

Источник: Панкин Б. Д. Рядом с обелиском / Б. Панкин // Страсть к настоящему : лит.-критич. ст. и очерки / Б. Панкин. – Москва, 1983. – С. 233–237.

Рядом с обелиском

Повесть Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска», когда я прочитал ее в первый раз, показалась мне совмещением несовместимого. И я подумал: что это — просчет или замысел? Не загадка ли, которую писатель намеренно загадал нам, дабы заставить читателя вновь и вновь возвращаться мыслями к произведению, его коллизиям, образам, сути. Со мною это как раз и произошло. Но когда я стал перечитывать повесть, то в том, что казалось прежде несовместимым, увидел, наоборот, внутреннюю связь. То, что сидит глубоко, всегда труднее разглядеть сразу.

Сначала о знакомом, тендряковском, всякий раз с радостью угадываемом. К нашей школе Тендряков обращается, как известно, не впервые. Это одна из любимых тем его творчества. Жизнь школы близка и известна ему до самых малых подробностей. Соединение зрелого мастерства с этим вот дотошным знанием предмета и создает то ни с чем не сравнимое ощущение подлинности, почти физического присутствия нашего в рожденном писателем мире, то ощущение, которое способен дать только реализм.

Есть узнаваемость литературных образов, которая идет от литературы же. Писатель, вольно или невольно, повторяет либо себя, либо своих собратьев и предшественников. Но есть узнаваемость иного порядка.

Генка Голиков, Юлечка Студенцева, Сократ Опучин, Ольга Олеговна, Зоя Владимировна, Иван Игнатьевич...

Общий любимец и чуточку сам влюбленный в себя силач,

«первая ученица», жертва собственного усердия... Школьный клоун с неизменной гитарой в руках... Неукротимый и вездесущий завуч и величественный, всепонижающий и всерегулирующий директор... Кто из нас не знаком с этими вечными, как сам мир и литература, типажам, «масками» школьной жизни...

Тендряков не боится повториться, он, быть может, даже об опасности-то такой не подозревает... Его не страшит перспектива привести своих читателей на тысячекратно, кажется, описанный выпускной вечер, посидеть вместе с ними, тоже в который раз, в учительской, где у каждого «свое насиженное место», прислушаться к извечным пререканиям старших и младших...

И Генка, и Юлечка, и «вещий Олег» — Ольга Олеговна, каждый, являя собой одну из бесчисленных разновидностей характеров вообще, не похож ни на кого в литературе, в том числе и в творчестве самого Тендрякова. Повторять, не повторяясь, — в этом, собственно говоря, и заключен секрет творчества. Это можно было бы начать доказывать, но кажется, что нужды в том нет.

Мне, во всяком случае, эти достоинства повести показались бесспорными, что называется, с первого взгляда.

Беспокоило, рождало недоумение другое... Как бы это нагляднее передать. Вот представьте себя в театре, в те самые секунды, когда дрогнул и пополз вверх занавес, если он, конечно, еще сохранился в этом театре... О пьесе вы много слышали, автор любим вами, творческая манера режиссера и композитора близка, имена исполнителей главных ролей вызывают самое искреннее воодушевление... И вот занавес поднимается, музыка зазвучала, первая реплика подана... Однако что это? И музыка исполняет что-то совершенно ни на что не похожее, и актеры в привычном гриме говорят и делают совсем не то, чего вы от них ожидали...

В памятной, щемящей душу каждого бывшего школьника обстановке выпускного вечера с первых же минут происходит нечто совершенно несвойственное и неподходящее ко времени и действию... Вместо благодарности учителям — упрек, вызов, вместо веселья — натянутость, вместо вполне естественной взаимной и всеобщей растроганности — отчуждение, разобщенность...

И чем дальше, тем больше... И все это тем более странно, что происходит с людьми, которых все эти десять лет связывала отнюдь не мнимая, не лицемерная, а истинная дружба, взаимная привязанность... Причем люди эти, и учителя и вчерашние школьники, и в самом начале, и в самом конце нашего знаком-

ства с ними представляются отнюдь не такими уж плохими, как они пытаются уверить себя и друг друга. Вот тут-то и начинаешь гадать, понимает или не понимает автор неестественность, схематизм, надуманность ситуации, в которой оказались и учителя, и, особенно, школьники... Что это — оплошность или нарочитость? Может быть, он просто-напросто не совладал со своими столь живо, зримо, осязаемо выписанными героями или намеренно, в порядке творческого эксперимента, поставил их в совершенно несуразную ситуацию? Как видите, я тут повторяю те же самые вопросы, которые задавал вначале...

Забегая вперед, скажу, что, если третьего ответа было бы заведомо не дано, и выбирать надо было одно из двух, и второе казалось бы мне более близким к истине, я и тогда не поспешил бы упрекнуть автора... Слова «реализм» и «правдоподобие» — не синонимы... И судить об удаче или неудаче художника надо, видимо, в первую очередь не по тому, какие художественные средства он избрал, а по тому, какого результата достиг, по общему звучанию его вещи... Однако третье, на мой взгляд, все-таки дано...

Реакция учителей на Юлино «люблю ли я школу?» оказалась более бурной, более непосредственной, но и более ординарной. Так оно, кстати, и должно было быть. Ее неожиданное заявление задевало, обижало и оскорбляло в первую очередь конечно же их. И именно поэтому они в большинстве своем услышали, смогли воспринять лишь буквальный смысл выступления. И разговор их в учительской, при всем ярко и убедительно изображенном несходстве характеров, темпераментов, возрастных привычек, взглядов, потек по более или менее привычному руслу: хороша школа или не хороша, хороши они, учителя, или не хороши, права ли хоть в чем-то сама Юлечка, или следует расценивать ее выходку просто-напросто как черную неблагодарность.

Ну вот, хотя дискуссия их касается в основном недостатков школы и протекает она бурно, драматически, перед нами, как бы выплывая из дымки, становясь все отчетливее, возникает коллективный портрет учителя, учительства. И сегодняшний день и ретроспектива. И портрет этот, только взгляните в него внимательно, оказывается чрезвычайно интересным. Тут и объединяющая всех, в том числе и желчную, одинокую Зою Владимировну, любовь и преданность делу, которое делаешь, школе. Непримируемость к собственным изъянам и желание помочь, понять своих воспитанников. Извечное прекраснотушие и максимализм российской интеллигенции, тяга к самобичеванию и

совершенству одновременно. Вспомним, что речь идет о школе, которая довольно далеко, судя по всему, от столиц, от центров... Нормальная провинциальная школа. И работают в ней беспокойные, ищущие, современные люди.

Ну, а выпускники? «Словно и не было странного выступления Юлечки Студенцевой. Поднимались тосты за школу, за здоровье учителей, звон стаканов, смех, перекатные разговоры, счастливые, раскрасневшиеся лица — празднично...» И к Юлечке Студенцевой «время от времени подбегал кто-нибудь из ребят, чокался, перекидывался парой слов — выражал свою солидарность и убегал». Обычная школярская реакция — прав ты или не прав, но, коли зацепил учителей, заслуживаешь одобрения...

Откуда же, отчего же тогда та дикая сцена, что произошла на самом высоком месте в городе, на обрыве, круто падающем к реке, у памятника погибшим на войне солдатам — землякам вчерашних школьников...

Кажется поначалу, что вся эта вакханалия слов, взаимных обвинений, яростных разочарований и измен вообще никакого отношения к выступлению Юлечки не имеет.

По пет...

Вспомним, как, возвращаясь вместе с директором школы домой, Ольга Олеговна, вот уж поистине «вещий Олег», подвела итог всему случившемуся на вечер:

«— Целый вечер спорили — дым коромыслом. И на что только не замахивались: обучение и увлечение, равнодушие и преступность, ремесленничество и техническая революция. А одного не заметили...

— Чего же?

— На наших глазах сегодня родилась личность. Событие знаменательное!»

Вот он, ключик к пониманию всего, что произошло после вечера с ребятами, к разгадке авторского замысла. Родилась личность... Есть ли у Ольги Олеговны основания утверждать такое? Ведь если говорить всерьез о содержании Юлечкиного заявления, то оно и спорно и... не оригинально. Сегодня и на страницах любой центральной газеты и на разного рода широких и узких совещаниях можно встретить заявления и похлеще — да и не из уст девочки, а от умудренных опытом и знаниями специалистов... Выражаясь по-научному, ценность информации, содержащейся в словах Юли, не так уж велика. Дело, и тут Ольга Олеговна права, в другом — в искренности поступка девушки, в том, что она оказалась способной на него. «До сих пор она была «как все». Только это «как все» удавалось ей луч-

ше других. И вдруг взрыв — не так, как все, себя выразила, не страшилась! Событие, граничащее с чудом...»

Вот на это-то чудо и откликнулись чуткие сейсмографы ребячьих душ. За первым толчком последовало настоящее землетрясение... И когда начинаешь улавливать эту связь, уже не удивляешься тому, что произошло у обрыва. Юлечкин порыв захватил и взбудоражил ее ровесников. Жажда выразиться столь же свободно и независимо, сказать правду, совершить нечто, что отличит тебя от других, заставит людей посмотреть на тебя по-иному, с силой и стремительностью вулканической лавы вырвалась наружу, опалая все вокруг.

Но истина, и самая беспощадная, не в том, что в пароксизме откровенности говорили друг о друге ребята. Она в том, что сказалось помимо их воли и слов.

С крутого берега, на котором собрались ребята, хорошо видно вокруг, манят к себе дали дальние. Можно устремиться навстречу им. А можно полететь вниз, пачкаясь в глине и ломая себе кости...

Личность — не просто сумма знаний. Это сгусток убеждений. А они тогда становятся неотъемлемой частью человека, когда, говоря словами Горького, перерастают в эмоцию, в несокрушимую волю, становятся таким же инстинктом, как голод и любовь. Так, как это, наверное, произошло с теми парнями сорок первого, чьи имена выбиты на обелиске у того же обрыва.

Желать быть личностью и быть ею — не одно и то же. Дистанцию эту дано одолеть не каждому. Ее не возьмешь с одного прыжка. Первая попытка оказалась неудачной и для наших ребят. В том числе и для Юлечки Студенцевой. Их искренность обернулась мучительством, откровенность — заблуждением, бескомпромиссность — стадным чувством, побудившим всех накинуться на одного. Почему? Нелепо было бы винить в этом школу или вообще кого бы то ни было. Есть болезни, которыми каждый должен переболеть сам, и переболеть непременно. Те, кто рядом, могут оказать лишь первую помощь. Что произойдет с ребятами позднее, какой урок они сумеют извлечь из происшедшего — вот тут уж скажет о себе их предшествующий опыт, что дали им школа, семья.

Есть надежда, что для героев Тендрякова кризис уже позади.

